

Наталья Тупикова

Лингвистический аспект исследования документов начала XVII в. в составе "русского" архива Яна Петра Сапеги

Studia Rossica Posnaniensia 32, 129-140

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ
НАЧАЛА XVII В. В СОСТАВЕ „РУССКОГО” АРХИВА
ЯНА ПЕТРА САПЕГИ

LINGUISTIC APPROACH TO RESEARCH OF THE 17-TH CENTURY
PAPERS FROM “RUSSIAN” ARCHIVES OF JAN PETER SAPEGA

НАТАЛИЯ ТУПИКОВА

ABSTRACT. The article presents a fragment of the reconstructed Russian linguistic archive studies of J.P. Sapiega, one of the well-known personalities of the Trouble Time Period (the beginning of the 17th century), hetman of Pseudo-Dmitry II.

The analysis is based on already published and some new sources that have been found recently in libraries and collections in Poland, Sweden, and Russia. The linguistic aspect of Old Polish papers (diaries of J. Sapiega, letters from Sigismund III, etc.) that have historical and cultural value, is viewed as a component of an archival complex. The texts help to enlarge the number of facts that demonstrate the gradual change from Latin as a literary and written discourse to Polish and give evidence about the important role of business and natural speech in forming the Polish literary language.

Наталья Тупикова, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия.

В развитии как русского, так и польского языков важную роль сыграл XVII век, который рассматривается учеными в качестве новой фазы развития, когда „усиливается процесс концентрации общенациональных элементов”¹, утверждаются новые способы выражения светского содержания с использованием того феномена, для обозначения которого З. Клеменевич употребил термин „surowa mowa”².

Изучение памятников деловой письменности представляет большой интерес во многих аспектах как лингвистического источниковедения, так и истории языка, поскольку накопление эмпирического материала и возможность его интерпретации с позиций более высокой ступени знания существенным образом восполняют сведения о состоянии разных уровней языковой систе-

¹ В.В. Виноградов, *Основные этапы истории русского языка*. В: его же, *Избранные труды: История русского литературного языка*, Москва 1978, с. 36. См. также об этом: Z. K l e m e n s i e w i c z, *Historia języka polskiego*, cz. II, Warszawa 1985, с. 216–217, 283–284; T. L e h r - S p ł a w i ń s k i, *Język polski. Pochodzenie – powstanie – rozwój*, Warszawa 1951; Б.А. Ларин, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*, Москва 1975, с. 219–237.

² Z. K l e m e n s i e w i c z, *Historia języka polskiego*, указ. соч., cz. I, с. 171.

мы, способствуют выявлению особенностей взаимодействия книжной и народно-разговорной стихий, обиходно-бытовых и официально-деловых элементов в процессе эволюции литературных норм³. Исследование рукописных текстов, которые отложились в различных архивах и ранее по каким-либо причинам были недоступны, считает В.В. Иванов, „может привести к новым результатам, а возможно, и к пересмотру устоявшихся взглядов“⁴. Решение проблем, в которых, по словам Н.И. Толстого, „остается немало спорного, интересного и не разысканного до конца“⁵, во многом зависит от привлечения неизвестных историко-лингвистических источников, таких памятников письменности, „которые не только дадут новые факты, но и позволят сделать новые обобщения“⁶.

Плодотворным в данном направлении является реконструкция архивных комплексов в их целостности, введение в оборот разнообразных в жанрово-стилевом отношении текстов, о которых было известно лишь по отдельным упоминаниям в хрониках, летописях, сказаниях, по отрывочным записям и свидетельствам очевидцев.

В данной статье представлен фрагмент исследования так называемого „русского“ *Архива гетмана Яна Петра Сапеги 1608–611 гг.* Реконструкция этого архива предпринята коллективом ученых – историков и филологов Волгоградского государственного университета. Результатом проделанной работы, осуществленной при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, при содействии коллег из Польши и сотрудников Государственного архива Швеции, архивов России и Украины, явились подготовленные к изданию два тома старопольских и старорусских документов (более 400 источников) походной канцелярии одного из подданных Речи Посполитой, волею судеб в начале XVII века – предводителя крупного иноземного войска, воевавшего на стороне самозванца Лжедмитрия II. Опыт реконструкции и описания сохранившегося и дошедшего до нас целостного собрания, зафиксировавшего деятельность различных сил в трагический период Смутного време-

³ См.: А.П. Майоров, *Формуляр и лексическая содержательность явочных челобитных*. В: *История русского языка и лингвистическое источниковедение*, Москва 1987, с. 142; Ф.П. Филин, *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва 1981, с. 189; В.В. Виноградов, *Основные этапы истории русского языка*, указ. соч., с. 29; С.И. Котков, *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*, Москва 1974, с. 282; Z. Klemensiewicz, *Historia języka polskiego*, указ. соч., cz. II, с. 317.

⁴ В.В. Иванов, *Вопросы исследования истории русского языка и лингвистическое источниковедение в трудах С.И. Коткова*. В: *История русского языка и лингвистическое источниковедение*, указ. соч., с. 4.

⁵ Н.И. Толстой, *Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языков*. В: *Исследование по славянской филологии*, Москва 1974, с. 329.

⁶ В.В. Иванов, указ. соч., с. 13.

ни в русской истории, обобщен также авторским коллективом проекта в монографии, опубликованной в 2005 году в серии „Труды ученых ВолГУ”, посвященной юбилею Волгоградского государственного университета⁷.

В результате изучения, критического анализа и систематизации документов архивного комплекса составлен полный текст *Дневника Яна Петра Сапеги*, включающий разночтения по всем известным спискам на языке оригинала и в переводе на русский язык (с комментариями и приложениями), описаны отдельные фонды источников. Основную базу архива составляют старопольские памятники, среди которых выделяются переписка Сапеги с королем Сигизмундом III и его окружением, с Лжедмитрием II и Мариной Мнишек, посольства, декларации, донесения, инструкции, войсковые, канцелярские, личные бумаги и др. В состав Архива входят также старорусские тексты – различного рода источники, освещающие деятельность приверженцев царя Василия Шуйского, Семибоярщины, церковных иерархов, земского ополчения, грамоты, письма, обращения, памяти, отписки, челобитные, известия из российских провинций и др. Следует отметить, что в ходе разысканий, предшествовавших выполнению проекта и проведенных доктором исторических наук, профессором ВолГУ И.О. Тюменцевым⁸, а также в процессе коллективной работы по описанию архивных данных был уточнен и существенно расширен перечень сапежинских бумаг – изданных, найденных новых или утраченных либо еще не отысканных, но известных по упоминаниям в других источниках. Документы, согласно гипотезе польских и российских ученых, накапливались в канцелярии Яна Сапеги в течение трех лет его пребывания в России (с лета 1608 г. по сентябрь 1611 г.), а после смерти гетмана в сентябре 1611 г. были вывезены солдатами в Речь Посполитую и переданы его вдове. Затем данные материалы в течение XVII–XX вв. в результате разделения попали в различные коллекции, отжившиеся в библиотеках и архивах России, Польши, Украины, Швеции⁹.

Подлинные скорописные документы как продукт эпохи представляют безусловный интерес для языковедов, а реконструкция архивного собрания служит базой для лингвистического исследования вводимых в научный оборот источников. При этом, на наш взгляд, следует учитывать структуру всего комплекса и на начальном этапе базироваться прежде всего на отборе наиболее значимых его частей (фрагментов), имея в виду то, что рассматриваемые памятники письменности выступают во многих случаях как уникальные

⁷ *Русский архив Яна Сапеги 1609–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа [монография]*, авт. коллектив: И.О. Тюменцев, С.В. Мирский, Н.В. Рыбалко, Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева; под ред. О.В. Иншакова, Волгоград 2005.

⁸ И.О. Тюменцев, *Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II*, Волгоград 1999; его же, *Источники по истории Смуты начала XVII столетия в России из Государственного архива Швеции в Стокгольме*, „Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия” 1997, вып. 2, с. 120–124.

⁹ См. об этом: *Русский архив Яна Сапеги...*, указ. соч., с. 30.

свидетельства непосредственных очевидцев событий либо их современников, осмысливавших окружающую действительность и воспроизводивших ключевые моменты истории с различной степенью достоверности, объективности, индивидуальным авторским отношением к сообщаемому, а также с присущей противоборствующим сторонам социально-оценочной направленностью.

Анализ разножанровых текстов в составе архивного комплекса предполагает соотнесение документов в рамках одной и/или нескольких групп памятников¹⁰. Говоря о начальной предпосылке любого лингвистического исследования, основанного на подобных материалах, С.И. Котков и З.Д. Попова обращают внимание на характеристику последних с точки зрения взаимообусловленности содержания и назначения документа, определяющих структуру, формуляр данного вида текстов, что в совокупности предreshает употребление в них языковых средств (прежде всего лексико-фразеологических, синтаксических)¹¹. Данное положение является для нас актуальным при рассмотрении всех групп источников в реконструируемом Архиве. Однако особую ценность представляет *Дневник* гетмана, открывающий возможность восстановления многих важных звеньев в цепи событий, связанных с движением Лжедмитрия II и Смутой в целом¹², и являющийся своеобразной „описью” бумаг, значимой при соотнесении фактов в исследуемом материале. Назначение дневниковых записей, которые велись секретарями канцелярии почти ежедневно, с одной стороны, можно видеть в последовательном „летописном” описании похода сапежинского войска, документальной фиксации деталей боевых операций, прибытия и отправки посольств, в подробном изложении содержания различного рода входящих и исходящих бумаг, сути переговоров с посланниками и воеводами, встреч с официальными и частными лицами (представителями войска, властей разных уровней, Православной церкви, жителями провинций), допросов пленных, показаний лазутчиков и перебежчиков. С другой стороны, *Дневник*, как показывает титульный лист документа, велся с целью увековечить „Dzieje Marsa krwawego i sprawy odważne, gycerskie przez wielmożnego pana jmcі Jana Piotra Sapiehę starostę uświackiego, w monarchii moskiewskiej od roku 1608 aż do roku 1611 sławnie odprawowane” (*Dziennik*,

¹⁰ В процессе анализа в данной статье привлекались опубликованные источники и материалы архивов: J.P. Sapiega, *Dziennik*. В: A. Hirsberg, *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII*, t. 1, Lwów 1901, с. 167–324; J.P. Sapiega, *Dziennik* (оригинал), Sztokholm, Riksarkivet. Skoklostersamlingen, Ryska brev. E 8610 (2). (SRSRB); *Документы русского Архива Я. Сапегу*, Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen, Ryska brev. (SRSRB); *Listy do J.P. Sapiehi i Dmitra Falszywego, 1608–1611 rr.*, Stokholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen, Polska brev. (SRSPB).

¹¹ С.И. Котков, З.Д. Попова, *Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века*, Москва 1986, с. 6.

¹² См.: И.О. Тюменцев, *Дневник Яна Сапегу 1608–1611 гг. как источник*. В: *Русский архив Яна Сапегу 1609–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа*, указ. соч., с. 11–29.

1901). Поэтому стиль повествования о деяниях Вельможного Пана Его Милости Яна Петра Сапеги и солдат его войска в ряде случаев напоминает чередование „заметок и повествований”¹³. В рассматриваемом тексте находит также отражение специфика дневникового жанра, проявляющаяся в реализации установки на сиюминутность, спонтанность и произвольную логику рассуждения.

Общая коммуникативная (целевая) направленность дневниковых записей определяет упорядоченность изложения. При этом информативно-фиксирующая¹⁴ часть дополняется словами, призванными дать объяснение по поводу явлений, ставших предметом описания, выразить отношение к сообщаемому. Например: „*Die 3 Augusti* jmc się, ruszył od rzeki Łośmiany mil trzy. Położył się obozem nad Siotem Dziedowem, skąd zaraz jmc wyprawił na czaty pana Ślaskowskiego ze 200 kozaków a 60 pietyhorców, która czata, z łaski Bożej, dobrze i szczęśliwie się odprawiła, bo straż nieprzyjacielską rozgromiono, gdzie ich zaraz na placu legło kilkadziesiąt. Więźniów siedm pojmano, między którymi więźniami synów bojarskich dwu pojmano: Iwana Dementiowa i Fiedora Bosakowa” (03.08.1608). Textoобразующую роль в приведенном фрагменте играют лексические средства – глаголы со значением перемещения, помещения, принуждения (ТСРГ, 28, 151, 614)¹⁵ *ruszył się, położył się, wyprawił (na czatę)*, выступающие в роли опорных звеньев описания, определяющих порядок развертывания изложения. В комментирующей части фрагмента речевым ориентиром являются ряды, характеризующие результат предпринятых действий, с ключевыми словами *rozgromiono, legło, pojmano*. Значимость сделанной записи подчеркивается с помощью квалифицирующих, обстоятельственных оценочных элементов, актуализирующих авторское начало в повествовании: „(czata) z łaski Bożej, dobrze i szczęśliwie się odprawiła”, а также информации уточняющего свойства, выраженной придаточным предложением: „między którymi więźniami synów bojarskich dwu pojmano: Iwana Dementiowa i Fiedora Bosmakowa”.

Военные успехи или неудачи во время похода отражались на регулярности вносимых в *Дневник* сведений. При этом чрезвычайно ценными являются приписки и записи на полях рукописи, сделанные рукой гетмана или по его настоянию. Бурные события Смуты и большое количество дел, которые приходилось решать предводителю войска, обуславливали большую или мень-

¹³ Н.С. Трубецкой, *История. Культура. Язык*, Москва 1995, с. 568.

¹⁴ См.: А.Н. Кожин, *Описательные типы текста в деловой письменности XVII в.* В: *История русского языка и лингвистическое источниковедение*, указ. соч., с. 117–120.

¹⁵ При анализе использованы словари: СЧ – П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II, Москва 1999; БАС – *Словарь современного русского литературного языка в 20-ти тт.*, т. III, Москва 1992; ТСРГ – *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*, под ред. Л.Г. Бабенко, Москва 1999; WS – D. Hesse n, R. Stypuła, *Wielki słownik polsko-rosyjski*, т. I–II, Moskwa–Warszawa 1979; MS – *Mały słownik języka polskiego*, red. E. Sobol, Warszawa 1997.

шую пространность уточнений и вставок. Особенно в начале военной кампании – летом и осенью 1608 г. – командующий часто вносил добавления, касающиеся пунктов своего пребывания и цели каких-либо поездок, передвижений отрядов войска; он указывал имена действующих лиц, названия монастырей и местечек, в которых останавливался сам или его посланцы, включал наиболее важную с его точки зрения информацию из посланий, переговоров и др. Так, записи *Дневника* позволяют более точно судить об одном из драматических периодов во время похода на Москву, когда возникла реальная опасность пролития крови „bгaci swej”, столкновения между сапежинцами и войсками коронного гетмана С. Жолкевского. Интересным в этом плане является обращение Сапеги к *Дневнику* в сентябре 1610 г.: командующий, после долгого перерыва в собственноручном редактировании текста, делает обширную вставку, подробно излагая содержание одного из эпизодов переговорного процесса о разграничении сфер влияния обеих войск при наступлении под Москвой. Особо в записях выделяется выдвинутое самим Сапегой условие урегулирования острого конфликта: „Chciał jmc pan Żołkiewski dalej mówić, ale jmc pan Sapiega powiedział, że «ja z wmcia [mówić] nie mogę nic, aż wmc każe wojsku swemu ustąpić, i ja też swemu»” (04.09.1610) (*Dziennik*, 1901; *SRSRB*. E 8610; *SRSPB*. E 8597. E 8604). В *Дневнике* нашла отражение информация о неоднократных попытках сторон прийти к соглашению: „zaraz pan Żołkiewski posłał, aby zjachali”, „sami dwaj mówili z sobą długo”, „przyszło znowu z sobą się zsyłać”, „jednak znowu się zjachawszy i rozmówiwszy się, rozjachali się” и др. (там же). Как очевидец событий, Сапега освещает важные детали переговоров, которые в один из моментов находились под угрозой срыва: „przyjechał pan marszałek, pan Gąsiewski i inszych pułkowników siła i podmówili go tak że się i rozjeżdżać przyszło i znowu z sobą się zsyłać” (там же); автор записи включает замечания, свидетельствующие о напряженности ситуации в войсках: „a już poczeli nadjachać, harcować i strzelać” (там же), а в конце фрагмента употребляет слова и выражения с окраской непринужденной фамильярности, с семантикой оценки межличностных отношений, посредством которых характеризуется успешное достижение желаемых результатов: „rozjachali się, pięknie pożegnawszy się i obłapiwszy się z sobą; pan Sapiega objeżdżał ...armatę ...witając się z znajomą Moskwą” (там же).

Лингвистическая содержательность¹⁶ анализируемой записи в рассматриваемом источнике выявляется прежде всего через ключевые элементы контекста, определяющие упорядоченное развертывание информации. Ими являются обстоятельственные слова с семантикой повторяемости, продолжительности, качества: *zaraz, znowu, jednak znowu, długo, pięknie*; лексемы, обозначающие изъявление воли, принуждение: *chciał, każe, posłał, zsyłać się* (MS, 81, 305, 1143; WS, II, 121–122, 719), речевое общение субъектов действий: *sami*

¹⁶ Термин см.: С.И. Котков, *Лингвистическое источниковедение и история русско-го языка*, Москва 1980, с. 10.

dwaj mówili z sobą, pożegnawszy się, rozmówiwszy się (ТСРГ, 369; MS, 695, 801; WS, II, 146, 276), движение в различных направлениях и с различной целью: *ustąpić, zjachali, rozjachali się* (ТСРГ, 41, 61, 62), физическое воздействие на объект: *strzelać, nadjechać* (ТСРГ, 192, 230), поведение: *harcować, podmówili, obłapiwszy się z sobą* (MS, 247, 649; WS, I, 556; ТСРГ, 377); конструкции с прямой речью, уточняющие и поясняющие обороты, предложения с различными видами связи, вводимые союзами *aż, aby, że, do których* и др. Лексико-семантические и синтаксические средства используются в тексте для характеристики непростых ситуаций, возникающих между сапежинцами и властями Речи Посполитой. Уникальные данные, отразившие отношение непосредственного участника описываемых событий, при всей их субъективности, имеют огромное информативно-фиксирующее значение для освещения малоизвестных страниц истории Смутного времени в период борьбы разных политических сил за русский престол¹⁷.

Записи-вставки в *Дневнике*, автором которых является Сапега, могут иметь комментирующий характер. Например, запись от 17 сентября 1608 г. о переговорах с посланцами царя Василия Шуйского ориентирована на то, чтобы документально передать запечатленную в сознании очевидца картину. Гетман несколькими словами кратко и метко характеризует атмосферу своей встречи с Василием Бутурлиным и Федором Прозоровским, сообщая о дружеском рукопожатии (братании) ее участников: „Tamże jmc pobratał się, dawszy sobie ręce, z Wasylem Buturlinem i z kniazem Fedorem Profzorzjowskim, jarosławskim. Z traktatów nie było nic. Rozjechali się” (17.09.1608). Организация сообщения по принципу „сначала главное, а потом детали”, что характерно для бытовой письменности¹⁸, включает в конце контекста уточняющую информацию: переговоры ничем не закончились и стороны разъехались. Это дополнение выглядит как довольно существенная деталь, с помощью которой гетман „намекает” на неоднозначность сложившихся отношений между враждующими силами, предостерегая тем самым и своих современников, и будущих читателей *Дневника* от неверных и „линейных” оценок „деяний” командующего иноземного войска.

Использование языковых средств в анализируемом памятнике письменности позволяет сделать некоторые наблюдения о взаимодействии старопольской и старорусской языковых традиций, а также, косвенно, о составе секретарей гетмана, их профессиональной подготовленности. Например, для начального периода ведения *Дневника* частотным является употребление написаний, передающих произносительные особенности русского языка; *kniaz* (*kniaziet* и под.) вместо польского *książe, wyruczać* – вместо польских *wyręczać, ratować* и др. Ряд примеров обозначения реалий демонстрирует труд-

¹⁷ См.: *Русский архив Яна Сапеги...*, указ. соч., с. 253–254.

¹⁸ В.М. Ж и в о в, *Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот*. В: *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, ред. В.Л. Янин, Москва 2003, с. 293.

ности восприятия секретарями информации на слух. Некоторые слова, взятые из языка Московской Руси или воспроизведенные писцами при пересказе событий с чьих-то слов, приближаются к звучанию первоисточника. Например, *pramić* – в тексте *Дневника* имеет значение, известное по старорусским памятникам письменности: „прямить, быть на чьей-либо стороне, открыто поддерживать кого-либо; выражать верно, честно, правильно свои мысли” (см.: СЧ, II, 78); *wyłuska* – вылазка (выход из крепости с какой-либо целью); *Osudar, prawiedne sołoniszko* – используемая в обращениях к царской особе формула речевого этикета. В приведенных случаях отклонения от правописной традиции, а также в появлении своего рода „гиперрусизмов” типа „sołoniszko” по аналогии с восточнославянскими полногласными формами¹⁹ находят, как представляется, отражение уровень владения русским языком секретаря канцелярии.

При обозначении предметов и явлений может наблюдаться и соответствие правилам польского языка, одновременно учитывающее фактор родственных связей славянских языков. Например: *Hulajgród* – Гуляй-город, в старорусском языке „подвижное сооружение из деревянных щитов с бойницами, на колесах или на полозьях, применяющееся при осаде крепостей и в полевых укреплениях” (БАС, III, 386); в данном слове написание *H* вместо *Ch* используется по правилам употребления в польском языке заимствований, а русское полногласие *город* передается западнославянским неполногласием *gród*. Нередки примеры, которые отражают влияние обиходной речи местного населения. В частности, зафиксированы разговорные варианты обозначения географических и других названий, свойственные неофициальному бытовому общению: „z Moskwy wyszedł na Włodzimirkę kniaź Iwan Kurakin i kniaź Fiedor Łukow ze trzema tysięcy ludzi i z armatą” (12.11.1609). В приведенном предложении образование *Włodzimirka* – сокращенное наименование полного названия дороги „Владимирский тракт”. Старорусская языковая традиция в старопольском памятнике письменности обнаруживается и в других случаях. Показательный пример – функционирование в *Дневнике* лексем *верста* и *миля*. До 1611 г. в тексте, наряду с традиционным использованием слова *mila*, часто встречается обозначение русской меры длины *верста*: „od Smoleńska warstą jedną” (13.08.1608); „uszło wojsko warst 15, gdzie stanęło nad rzeczką Rosudowką” (26.09.1610); нередко в контексте наблюдается перевод миль, принятых в западноевропейской, неметрической системе единиц, в русскую меру длины: „Tego dnia uszedł mil dwie, stanął nad Tierparowem, warst dwanaście” (24.09.1610); „wojsko ...uszło mil dwie (warst dziesięć)” (12.10.1610). Записи за 1611 г. используют обозначение только миль.

¹⁹ В корневой морфеме не было условий для возникновения полногласия. См.: М. Ф а с м е р, *Этимологический словарь русского языка в 4-х тт.*, т. 3, пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева, Санкт-Петербург 1996, с. 710; П.Я. Ч е р н ы х, указ. соч., т. II, Москва 1999, с. 186.

Лингвистический аспект анализа рассматриваемого источника дает возможность расширить массив языковых фактов, значимых при решении вопросов о „врастании” (говоря словами В.В. Виноградова) деловой речи в стилистику языка и роли самобытной письменности в формировании славянских литературных языков.

Систематизация материалов *Архива Я. Сапеги*, в основу которой исследовательским коллективом положена принадлежность документов к одному из политических лагерей, противоборствующих в период Смуты, позволяет выделить группы памятников письменности, в рамках которых релевантным становится отражение в источнике совокупности данных о личности адресанта/адресата и его роли в описываемых событиях, о жанрово-стилевой специфике текста, его коммуникативной важности и лингвистической значимости с точки зрения выявления доминирующих процессов, характерных для развития родственных славянских языков в первой половине XVII в. Так, в старопольских памятниках представлена свойственная в целом среднепольскому периоду традиция, получившая название „mieszanka polsko-łacińska”²⁰. Анализируемые дневниковые записи и другие документы в фондах Архива включают большое количество латинских слов и выражений без перевода²¹. Особенно яркими в этом отношении являются послания короля Сигизмунда III Вазы, его ассекурации (см.: MS, 23), ответы на письма и кондиции, различные бумаги, зафиксировавшие официальные контакты гетманского войска с властями Речи Посполитой. На фоне книжной стихии господствующей еще латыни эти тексты отражают, на наш взгляд, „великолепный, ренессансный”, выражаясь словами З. Клеменсевича²², период расцвета в развитии собственно польского письменного языка.

К источникам такого рода относятся, в частности, материалы, которые удалось отыскать в одной из копийных книг в Швеции (*SRSPB*. E 8596 и E 8597). Данные памятники содержат чрезвычайно интересные сведения не только о событиях похода иноземных войск на Москву, о переговорах, которые велись в августе-сентябре 1610 г. по поводу условий возвращения сапегинцев на королевскую службу. Они являются уникальным свидетельством экспансии „польщизны” в начале XVII в., активизации средств, свойственных стилю „*obrad i uchwał sejmowych*”, на которых еще „*Zygmunt Stary bronił zasady*” использования языка, „*w jakim się urodził Król Jegomość*”²³. Названные бумаги, вышед-

²⁰ Н.Е. А н а н ь е в а, *История и диалектология польского языка*, Москва 1994, с. 26–27, 51.

²¹ И.О. Т ю м е н ц е в, Н.А. Т у п и к о в а, Н.Е. Т ю м е н ц е в а, *Дневник Яна Петра Сапегы как свидетельство межъязыковых и межкультурных контактов в Восточной Европе начала XVII столетия*. В: *Лингвистика и межкультурная коммуникация. Материалы региональной научной конференции Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004 г.*, Волгоград 2004, с. 15–20.

²² Z. K l e m e n s i e w i c z, *Historia języka polskiego*, указ. соч., ч. II, с. 216.

²³ Там же, с. 275.

шие из королевской канцелярии, составлены по всем правилам словесного искусства и выдержаны в официальном тоне с большой долей пафосности, декларативности, назидательности, насыщены высокими, экспрессивно-оценочными словами, перифразами, светскими, иносказательными, образными оборотами речи. В то же время, можно говорить о преобладании в текстах ресурсов общеславянского фонда и общеупотребительных полонизмов. Иллюстрацией этого служат не только королевские послания, но и документы, авторами которых являются другие представители властей Речи Посполитой. В качестве примера приведем сопроводительную речь подканцлера коронного Я. Потоцкого, предваряющую ответ Сигизмунда III сапежинским послам, данный со значительным опозданием во время очередного тура переговоров: „Ta przewłoka resposnu i odprawy wmcіów nie bez słuszných respektów się działa iakoście to wmcі dostateczniej z pp. Senatorów braci swej starszej zrozumieli. Bo rzeczy wielkich na podwodzie odprawować trudno. Więc te które mają iakaś boni publici speciem nie raz na szalę włożyć i uważać trzeba, aby albo credulitas w błąd, albo celeritas w iaką szkodę nie zaprowadiła. Teraz ten się poselstwu wmcіów od JMK p.n.m. daie resposn który czytany będzie” (SRSPB. E 8596 i E 8597). – Эта проволочка в ответе и приеме послов в.м. была сделана не без надлежащего почтения, что вы в достаточной мере от панов сенаторов, братьев своих старших, почувствовали. Ведь большие дела на ходу вершить трудно. То есть те дела, которые обладают особой спецификой для общественности, неоднократно следует тщательно взвесить и отнестись со вниманием, дабы не впасть в ошибку или не оказаться в опасном заблуждении, могущем навредить. Теперь же посольству в.м. от Его Милости Короля, господина нашего милостивого, дается ответ, который будет оглашен (перевод – Н. Тупикова).

Анализируемый текст изобилует средствами книжного, принятого в официальном общении латинского языка: латинские вкрапления без перевода используются в формулах, требуемых этикетом, для обозначения терминологических понятий, в устойчивых выражениях. Думается, употребление в этом документе названных единиц можно рассматривать не только как дань традиции и следование книжной норме, но и как свидетельство стремления автора воспользоваться известными ему приемами выражения мыслей, абстрактных категорий, содержание которых он затрудняется передать аналогами из своей родной речи. В приведенном фрагменте обращают на себя внимание фразеологизм с иностилевой для деловой речи обиходно-бытовой окраской, свойственной образной системе, скорее, некнижного языка: *na szalę włożyć* (тщательно взвесить), где *szala* – (из горного дела) „клеть” (WS, II, 393), а также поговорка, характеризующая народный тип мышления: *rzeczy wielkich na podwodzie odprawować trudno* – большие дела на ходу (на скорую руку) вершить трудно (см. *podwoda* – в старинной речи „furmanka”, то есть конный воз, служащий для перевозки кого-л., каких-л. тяжестей: MS, 208, 655). Стилистическая контрастность средств, используемых в официальном документе, обусловлена его коммуникативным назначением – расположить к себе адресата,

в доступной, аргументированной и в то же время обтекаемой форме изложить причины задержки королевского ответа (4 [14] сентября 1610 г.), в котором, как показывает тот же архивный источник, высокая особа в дипломатической форме отказывает сапежинскому войску в гарантиях и не идет ни на какие уступки и условия.

Примером выражения высокого пафоса и эмоционального напряжения являются документы, подписанные самим Сигизмундом III. В зависимости от назначения письма – в рамках посольских дел, рескриптов войску или личных посланий Я. Сапеге – наблюдаются большая или меньшая риторичность стиля, черты, сближающие данные тексты с воззваниями и публичными речами общественно-политического характера. Так, в упомянутом нами письме от 4 (14) сентября послам сапежинцев во время их посольства на переговорах с Его Величеством королем польским и сенаторами Речи Посполитой преобладает использование средств книжной речи. Отклоняя требования войска Сапеги, Сигизмунд убеждает предводителя и солдат выполнять свои обязанности на прежних условиях службы королю и аргументирует свою позицию, апеллируя к опыту предков. Например: „Kto dobrze uważy, porządnie przypomni zwyczaję, naturę, starożytne postępkі polskie, najdzie to że panom swym polacy statecznie wiary trzymali, najdzie to, że dla nich odważnie zdrowia kłali, najdzie to że u nich za dzielności swe hojnie wolności dochodzili, najdzie to że prośbą swą pozwoleniem ich gruntowicie prawa sobie stanowili” (SRSPB. E 8596 и E 8597). Ключевыми элементами, определяющими содержание приведенного высказывания, являются сочетания *wiary trzymali*, *zdrowia kłali*, *wolności dochodzili*, *prawa stanowili*, в которых используются отвлеченные существительные и глаголы с положительно-оценочной коннотацией, обозначающие деятельность по достижению цели, поступок, поведение, отношение (WS, I, 147, 324; II, 153–154, 368, 447, 512, 533.): „сохраняли (верность)”, „жертвовали (здоровьем)”, „добивались (свободы)”, „вершили (справедливость)”. Эти средства формируют высокую стилевую направленность текста. Созданию гражданской патетики способствуют характерологические элементы: *porządnie*, *statecznie*, *odważnie*, *hojnie*, *gruntowicie* – добросовестно, с достоинством (степенно), храбро, щедро, основательно. Анафорический повтор глагола *najdzie* в составе синтаксически параллельных конструкций, нанизываемых друг за другом, выступает в приведенном фрагменте как средство связи и риторический прием усиления экспрессивности повествования.

Надо сказать, вкрапления латинских слов без перевода в довольно простом официальном тексте всего цитируемого послания исчерпываются несколькими случаями, которые представляют собой использование устойчивых книжных выражений, принятых в образованной среде благородного сословия, владеющего литературной речью, латинским языком как языком права, философии, политики, логики, поэзии, что отражает формирующийся в западноевропейских языках международный фонд интернациональных крылатых слов. Интересно, что одним из проявлений традиции „смешанных тек-

стов” является употребление определенных форм, иноязычных лексем с обстоятельственным значением при польских глаголах: *sacro sancte chowają* и др.²⁴ Среди латинизмов в послании имеются также труднопереводимые на польский язык образные обороты, парафразы и т. д.: *inter os et offam, contra stimulum calcitare* и некоторые другие.

Особую лингвистическую значимость имеют фрагменты, представляющие собой абстрактные размышления с использованием стилистических ресурсов родного для автора, польского языка – сравнений, сопоставлений, метафор, основанных на переосмыслении конкретных явлений, окружающей действительности, на христианских воззрениях, опыте и народной мудрости. Примером этому могут служить сентенции, с помощью которых в послании короля оценивается результат усилий тех, кто пренебрегает обычаями предков, даже если это оправдывается высокими целями: *Najdobrzale jabłko nie ogrodnikowi się dostaje*. – Самое спелое яблоко не садовнику достанется (перевод – Н. Тупикова); риторические восклицания и вопросы, имплицитно выражающие противоположную точку зрения пишущего и выступающие эмоционально-экспрессивным средством выделения главной мысли высказывания: „Bo co to za ochrona starożytnej polskiej sławy prawa wzgardzać!?!; Co za miłość Rptej matki swej w niebezpieczeństwo ją prowadzić!?!” (*SRSPB*. E 8596 и E 8597). – Ибо что это за защита древней польской славы – пренебрегать законом!?!; Что за любовь к Речи Посполитой, матери своей, – подвергать ее опасности!?! (перевод – С. Мирский) и др.

В целом язык и речевая организация текстов рассматриваемой группы памятников – официальных королевских писем, грамот, посольств, ассекураций – демонстрируют возможности семантической системы польского языка выражать абстрактные и специальные понятия, расширять функциональный потенциал слов и конструкций при употреблении их в контекстах делового, дипломатического, социально-политического, высокопарно-патетического характера, использоваться при воспроизведении простых и сложных ситуаций, в высказываниях, которые содержат не только изложение, но также и интерпретацию фактов.

Лингвистическая содержательность разных групп старопольских текстов (дневниковых записей и документов, относимых к „русскому” *Архиву Яна Сапегу*) дает возможность более глубоко осознать культурно-историческую ценность источников, их роль в воссоздании объективной картины происходивших событий, обогащает наши знания о письменной культуре польского народа в „золотой век” (Т. Лер-Сплавински) развития польского языка, когда набирала силу тенденция к постепенной замене латыни как книжно-письменной стихии „польщизной”, способной брать на себя функцию „престижного” средства общения во многих сферах использования.

²⁴ См.: *Русский архив Яна Сапегу...*, указ. соч., с. 274.